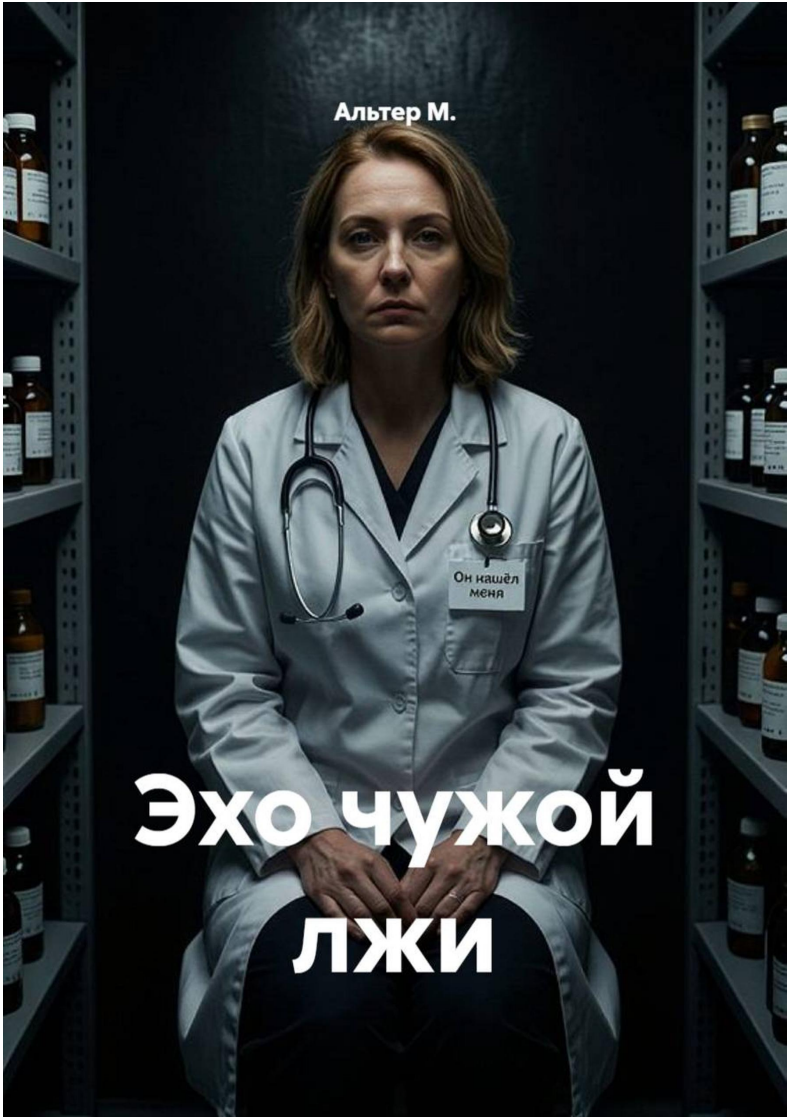

Альтер М.
Он кашёл меня
Эхо чужой лжи

Альтер М.
Эхо чужой лжи

https://litres.ru/74717999
SelfPub; 2026

Аннотация

Психологический детектив о психиатре Анне Ветровой, которая после выгорания уезжает из Москвы в тихий городок Заречье и открывает частную практику. Первая же пациентка — библиотекарь Вера, страдающая от навязчивого страха преследователя, — бесследно исчезает, оставив записку: «Он нашёл меня». Полиция не верит, а сама Анна получает анонимные фотографии и звонки с угрозами: «Вы следующая». Чтобы выжить и спасти Веру, ей придётся разобраться, где заканчивается паранойя и начинается реальная охота. Напряжённый триллер о лжи, страхе и городе, где чужая тайна может стоить жизни.

Содержание

Глава 1. Добро пожаловать в Заречье 4
Глава 2. Тень на стене 26
Глава 3. Игра в прятки 52
Конец ознакомительного фрагмента. 54

Альтер М.
Эхо чужой лжи

Глава 1. Добро пожаловать в Заречье

Дорога петляла между холмами, поросшими редким ельником, и Анна Сергеевна Ветрова, крепко сжимая руль своей видавшей виды «Шкоды», в очередной раз поразилась, как сильно этот пейзаж отличается от привычного московского шума. Здесь, в двухстах километрах от столицы, время словно замедлило свой бег. За окном тянулись бесконечные поля, уже убранные и покрытые жухлой стерней, кое-где темнели скирды соломы. Небо, тяжелое и серое, низко нависало над землей, обещая скорый дождь. Анна включила дворники, и по лобовому стеклу заструились первые капли.

Она переезжала в Заречье — небольшой городок с населением едва ли в двадцать тысяч человек, затерянный среди лесов и озер. Переезд был спонтанным, почти бегством. После десяти лет работы в московской клинике неврозов, после бесконечных пациентов, каждый из которых тянул за собой шлейф боли и отчаяния, после болезненного развода с мужем, который так и не смог смириться с ее погруженностью

в чужую психику, Анна поняла, что задыхается. Ей нужна была тишина. И вот эта тишина теперь окружала ее со всех сторон, нарушаемая лишь мерным стуком дождя по крыше автомобиля.

Дом, который она купила по фотографии в интернете, оказался именно таким, как она и представляла: двухэтажный, бревенчатый, с резными наличниками и застекленной верандой. Он стоял на краю городка, на улице с поэтичным названием Озерная, и из его окон открывался вид на небольшое, заросшее камышом озеро. Во дворе росла старая яблоня, ветви которой почти касались земли, и стояла покосившаяся беседка. Анна вышла из машины, разминая затекшую спину. Воздух был влажным и свежим, пахло мокрой землей, прелой листвой и дымом из соседних труб.

— Ну вот мы и дома, — тихо сказала она сама себе, и голос ее прозвучал непривычно громко в наступившей тишине.

Выгрузив из багажника немногочисленные вещи — два чемодана с одеждой, коробку с книгами, ноутбук и небольшую сумку с медицинскими инструментами, — Анна поднялась на крыльцо. Ключ, как и обещал риелтор, торчал в замке. Дверь открылась с протяжным скрипом, и в лицо пахнуло затхлостью и холодом. Внутри дом был обставлен просто, но добротно: деревянные полы, выкрашенные в темно-коричневый цвет, массивный дубовый стол в гостиной, старый диван с потертой обивкой, печь, выложенная изразцами. Анна

прошла по комнатам, включая свет. На втором этаже располагались две спальни и кабинет — именно его она планировала использовать для приема пациентов.

Кабинет был небольшой, но уютный: окно выходило во двор, под окном стоял письменный стол, рядом — два кресла, между ними — журнальный столик. Стены были оклеены светлыми обоями с едва заметным цветочным узором. Анна провела рукой по шершавой поверхности стены и улыбнулась. Здесь она сможет работать. Здесь она сможет забыть о прошлом.

Распаковка заняла остаток дня. Анна разложила книги на полке, повесила в шкаф одежду, застелила постель. К вечеру дом приобрел жилой вид, запахло кофе и корицей — она нашла на кухне старую турку и сварила себе чашку, чтобы согреться. Дождь за окном усилился, превратившись в настоящий ливень. Ветер гнул деревья, и ветви яблони царапали стекло, словно просились в дом. Анна села в кресло у окна, укутавшись в плед, и долго смотрела на то, как капли стекают по стеклу, оставляя за собой извилистые дорожки.

Мысли ее были далеко. Она вспоминала свой последний день в клинике, когда главврач, пожимая ей руку, сказал: «Вы слишком близко принимаете все к сердцу, Анна Сергеевна. Вам нужно отдохнуть». Она знала, что он прав. Она слишком часто оставалась после работы, чтобы поговорить с пациентами, которые уже не были ее пациентами, слишком часто брала их проблемы домой, слишком часто просыпа-

лась ночью от собственного крика. Ей нужна была передышка. И вот она здесь, в Заречье, где никто ее не знает, где нет никого, кто мог бы потребовать от нее сочувствия.

На следующее утро Анна проснулась от петушиного крика где-то поблизости. Дождь прекратился, но небо по-прежнему хмурилось. Она выпила чашку крепкого чая и отправилась осматривать городок. Заречье оказалось именно таким, каким она его себе представляла: центральная площадь с памятником Ленину, несколько магазинов, аптека, почта, небольшая больница на окраине. Люди здесь были приветливы, но сдержанны. Они здоровались с Анной, но не заговаривали первыми, словно присматривались к чужачке.

В больнице ее встретили настороженно. Главный врач, грузный мужчина лет пятидесяти с красным лицом и пышными усами, представился Петром Ильичом.

— Значит, вы к нам на постоянное место жительства? — спросил он, разглядывая ее диплом и сертификаты. — Психиатр? У нас тут такого отродясь не было. Только фельдшер и медсестра. А вы, значит, решили практику открыть?

— Да, — кивнула Анна. — Я планирую вести частный прием. У вас ведь нет психиатра?

— Нет, — подтвердил Петр Ильич. — И, честно говоря, не уверен, что он нам нужен. Народ у нас простой, работящий. Особых нервных расстройств не наблюдается. Разве что у бабы Нюры, которая каждую ночь видит чертей в огороде. Но это так, от старости.

— Я понимаю, — улыбнулась Анна. — Но, возможно, кому-то понадобится моя помощь. Я не собираюсь навязываться. Просто хочу работать.

Петр Ильич пожал плечами и вернул ей документы.

— Что ж, дело ваше. Если что, обращайтесь. Только учтите: у нас тут все друг друга знают. Так что будьте осторожны с диагнозами. Люди обидчивые.

Анна заверила его, что будет предельно корректна, и покинула больницу с чувством легкого разочарования. Она ожидала, что в маленьком городке к ней отнесутся с большим энтузиазмом. Но, с другой стороны, это было даже к лучшему. Меньше пациентов — больше времени для себя.

Она дала объявление в местную газету и расклеила несколько листовок на дверях магазинов. В листовках значилось: «Психиатр, психотерапевт. Индивидуальный прием. Анонимно. Опыт работы — 15 лет». Указала адрес и телефон. Первые дни прошли в томительном ожидании. Анна гуляла по окрестностям, знакомилась с соседями, обустраивала кабинет. Она купила в местном магазине несколько горшков с цветами, повесила на окна легкие занавески, постелила на пол мягкий ковер. Кабинет стал выглядеть почти уютно.

Первая пациентка пришла на четвертый день. Анна как раз пила кофе на веранде, когда услышала робкий стук в дверь. Она открыла и увидела на пороге женщину лет тридцати пяти, худую, с бледным, изможденным лицом и испуганными глазами. Одета она была в простое пальто, из-под

которого выглядывал вязаный свитер, и старые, но чистые сапоги. Волосы ее были собраны в небрежный пучок, а руки, державшие сумку, слегка дрожали.

— Здравствуйте, — тихо сказала женщина. — Я по объявлению. Вы — Анна Сергеевна?

— Да, проходите, пожалуйста, — Анна посторонилась, пропуская гостью в дом. — Как вас зовут?

— Вера. Вера Николаевна Соловьева. — Женщина прошла в гостиную и остановилась, не зная, куда сесть. Анна предложила ей кресло в кабинете и сама села напротив.

— Итак, Вера Николаевна, что вас привело ко мне? — мягко спросила Анна, внимательно изучая пациентку. Та выглядела напряженной, но не производила впечатления психически нездорового человека. Скорее, это была обычная женщина, доведенная до отчаяния какими-то обстоятельствами.

— Меня... меня преследуют, — едва слышно произнесла Вера, и глаза ее наполнились слезами. — Кто-то ходит за мной по пятам. Я чувствую его взгляд, слышу шаги за спиной. Но когда оборачиваюсь — никого нет. Я думала, что схожу с ума. Но я не сумасшедшая, Анна Сергеевна. Я точно знаю, что он существует.

Анна кивнула, сохраняя спокойное выражение лица.

— Расскажите мне подробнее. Когда это началось?

— Около месяца назад, — Вера сжала руки в кулаки, пытаясь унять дрожь. — Я работаю в библиотеке. Однажды ве-

чером я возвращалась домой, было уже темно. Я шла по улице, и вдруг мне показалось, что за мной кто-то идет. Я ускорила шаг, и шаги за спиной тоже ускорились. Я побежала — и он побежал. Я вбежала в подъезд, захлопнула дверь... и все стихло. С тех пор это повторяется почти каждый день. Я вижу его краем глаза — мужчину в темном плаще и шляпе. Но когда я поворачиваюсь, он исчезает. Я стала бояться выходить из дома. Я перестала спать по ночам. Мне кажется, что он стоит под моими окнами.

— Вы обращались в полицию?

— Обращалась, — Вера горько усмехнулась. — Они сказали, что я все выдумываю. Мол, у них нет времени на сумасшедших. А участковый, дядя Вася, вообще посоветовал мне сходить в церковь и помолиться. Но я не сумасшедшая! Я вижу его так же ясно, как сейчас вижу вас.

Анна сделала пометку в блокноте. Симптомы были похожи на параноидный синдром, но что-то в поведении Веры настораживало. Она говорила слишком убедительно, слишком детально. Обычно пациенты с галлюцинациями описывают свои видения более расплывчато. Но, с другой стороны, она могла быть просто хорошей рассказчицей.

— Вера Николаевна, скажите, вы принимаете какие-нибудь лекарства? Может быть, алкоголь или наркотики?

— Нет, что вы! — Вера возмущенно посмотрела на нее. — Я вообще не пью. И таблеток никаких не принимаю, кроме витаминов.

— Хорошо. А были ли у вас в прошлом какие-то психические расстройства? Может быть, травмы головы?

— Нет. Я всегда была здоровой. Я не понимаю, что со мной происходит. Помогите мне, пожалуйста. Я больше не могу так жить. Я боюсь, что он... что он что-то сделает со мной.

Анна слушала ее еще около часа. Вера рассказала, что живет одна, мужа нет, детей нет, родители умерли. Работает в библиотеке уже десять лет, имеет несколько подруг, но в последнее время старается не выходить из дома. Она описала «преследователя»: высокий мужчина, всегда в темном плаще и шляпе, лицо скрыто в тени. Она никогда не видела его лица. Он появляется в основном по вечерам, когда она возвращается с работы, или ночью, когда она смотрит в окно.

Анна задала еще несколько вопросов, пытаясь выявить возможные триггеры. Но Вера отвечала уклончиво, словно боялась сказать лишнего. В конце концов, Анна предложила ей курс терапии и, на всякий случай, выписала легкое успокоительное.

— Приходите через неделю, — сказала она, провожая Веру до двери. — И постарайтесь не оставаться одной по вечерам. Может быть, поживите у подруги?

— У меня нет подруг, — тихо ответила Вера и ушла, ссутулившись под порывом ветра.

Анна вернулась в кабинет и села за стол, задумавшись. Что-то в этой женщине ее беспокоило. Она не могла понять,

что именно. Может быть, слишком сильный страх, который не соответствовал описанию «преследователя». Или то, как она говорила о своей жизни — с какой-то обреченностью, словно уже смирилась с тем, что ничего не изменится.

Вечером Анна долго не могла уснуть. Она лежала в постели, прислушиваясь к шорохам старого дома. Деревянные балки скрипели, ветер гудел в печной трубе, за окном ухала сова. Анна вспомнила, как в детстве боялась темноты и всегда просила маму оставить свет в коридоре. Сейчас она сама оставила включенной лампу на первом этаже, чтобы не чувствовать себя совсем одной.

На следующий день она отправилась в библиотеку, где работала Вера. Это было небольшое помещение на первом этаже старого здания с высокими потолками и запахом пыли и старых книг. За стойкой сидела женщина лет пятидесяти с добродушным лицом и очками на цепочке.

— Здравствуйте, — сказала Анна. — Я ищу Веру Николаевну. Она сегодня работает?

Женщина подняла на нее глаза и вдруг насторожилась.

— А вы кто?

— Я психиатр. Вера Николаевна обратилась ко мне за помощью. Я хотела бы узнать, как она себя чувствует.

— Психиатр? — женщина сняла очки и протерла их платком. — Значит, вы к нам в город приехали? Слышала, слышала. Ну, что вам сказать... Вера — девушка хорошая, тихая. Но в последнее время с ней что-то странное происходит.

Она стала какой-то дерганой, всего боится. Я думала, это из-за того, что случилось.

— А что случилось? — насторожилась Анна.

— Ну как же... — женщина понизила голос. — Месяц назад у нее сестра пропала. Двоюродная, Светлана. Уехала куда-то и не вернулась. Вера очень переживала. А потом начала говорить, что ее кто-то преследует. Я думала, это нервное.

Анна почувствовала, как холодок пробежал по спине.

— А в полицию она обращалась по поводу сестры?

— Обращалась, конечно. Но что полиция? Сказали, что Светлана взрослая женщина, может, уехала к любовнику. Но Вера не верит. Она говорит, что сестра бы никогда не уехала, не предупредив. Они были очень близки.

Анна поблагодарила женщину и вышла на улицу. Теперь многое становилось на свои места. Пропажа сестры, страх, ощущение преследования — все это могло быть симптомами посттравматического стрессового расстройства или начинающейся паранойи. Но что, если Вера говорила правду? Что, если кто-то действительно преследует ее, и этот кто-то как-то связан с исчезновением сестры?

Анна вернулась домой и достала блокнот с записями. Она перечитала все, что записала со слов Веры, и попыталась выстроить логическую цепочку. Но чем больше она думала, тем больше запутывалась. С одной стороны, Вера производила впечатление человека, искренне верящего в то, что ее преследуют. С другой — ее рассказ был слишком похож на клас-

сическую паранойю. Анна решила, что на следующей сессии попробует глубже копнуть в прошлое Веры, возможно, используя гипноз или другие техники.

Но следующая сессия так и не состоялась. В назначенный день Вера не пришла. Анна прождала ее весь вечер, но напрасно. На звонки она не отвечала. Анна начала волноваться. Она позвонила в библиотеку — там сказали, что Вера взяла больничный и не появлялась уже два дня. Анна позвонила в полицию, но там ей ответили, что заявление о пропаже человека принимают только от родственников, а Вера не является ее родственницей.

На третий день Анна сама отправилась к Вере домой. Это был старый двухэтажный дом на улице Мира, почти такой же, как у Анны. Дверь ей никто не открыл. Соседи сказали, что не видели Веру уже несколько дней. Анна заглянула в окно — внутри было темно и тихо. Она уже собиралась уходить, когда заметила на крыльце небольшую белую бумажку. Это была записка, написанная торопливым почерком: «Анна Сергеевна, простите, что не пришла. Я уезжаю. Не ищите меня. Он нашел меня».

Анна похолодела. Она поняла, что Вера в опасности. И она, Анна, последняя, кто видел ее и кто может что-то сделать. Она бросилась в полицию, но там ее встретили с недоумением.

— Гражданка, вы кто такая? — спросил дежурный, молодой парень с прыщавым лицом.

— Я врач Веры Николаевны. Она пропала. Вот записка.

Дежурный прочитал записку и хмыкнул.

— Ну и что? Написала, что уезжает. Может, к родственникам поехала. У нас нет оснований для розыска.

— Но она боялась! Она говорила, что ее преследуют! И ее сестра тоже пропала месяц назад!

Дежурный закатил глаза.

— Сестра? Светлана Соловьева? Так она нашлась. Вернулась на прошлой неделе. Жива-здорова, отдыхала у подруги в области. Так что не волнуйтесь. С Верой тоже все будет хорошо. Наверное, тоже уехала куда-нибудь.

Анна вышла из отделения полиции в полном смятении. Сестра нашлась, а Вера пропала. Это было странно. Она не знала, что и думать. Может быть, Вера действительно уехала, испугавшись чего-то? Или ее исчезновение связано с чем-то более серьезным?

Дома Анну ждал сюрприз. На пороге лежал конверт без обратного адреса. Внутри была фотография. На ней была изображена она, Анна, стоящая у окна своего кабинета. Снимок был сделан ночью, со вспышкой. Анна узнала свою комнату, свои шторы, свою фигуру. Кто-то наблюдал за ней. Кто-то был в ее доме или рядом с ним.

Она бросилась к окну, но на улице было пусто. Только ветер гнал по дороге сухие листья. Анна задернула шторы и села на пол, прижавшись спиной к стене. Сердце колотилось как бешеное. Впервые за долгое время она почувствовала на-

стоящий страх. Не за пациентку, не за кого-то другого, а за себя.

В этот момент зазвонил телефон. Анна вздрогнула. Номер был незнакомый. Она hesitated, но потом все же взяла трубку.

— Алло?

— Анна Сергеевна? — раздался мужской голос, тихий и вкрадчивый. — Вы ищете Веру? Не стоит. Она там, где должна быть. И вы скоро к ней присоединитесь. Если будете продолжать копать.

Голос смолк. Анна стояла, не в силах пошевелиться. Телефон выпал из ее руки и покатился по полу. Теперь она точно знала: это не паранойя. Это реальность. И эта реальность была страшнее любого вымысла.Телефон лежал на полу, и из трубки доносились короткие гудки. Анна смотрела на него, как на змею, и не решалась поднять. Прошла минута, другая. Гудки сменились тишиной. Наконец она медленно наклонилась, подняла аппарат и положила его на стол. Пальцы дрожали. Она обхватила себя руками за плечи, пытаясь унять озноб, хотя в комнате было тепло.

«Он знает, где я живу. Он знает, что я ищу Веру. Он наблюдал за мной».

Мысли метались в голове, сталкиваясь друг с другом, как испуганные птицы в клетке. Анна заставила себя дышать глубже. Вдох на четыре счета, задержка, выдох на шесть. Этот прием она отрабатывала с пациентами, страдающими

паническими атаками, сотни раз. Теперь он понадобился ей самой.

Первым делом она проверила все окна и двери. Замки были старые, хлипкие, и Анна поняла, что любой, у кого есть хоть капля сноровки, мог открыть их без особого труда. Она подперла входную дверь стулом, хотя понимала, что это жалкая защита. Затем обошла дом, заглядывая во все углы. На чердаке было темно и пахло пылью; она посветила фонариком, но не нашла ничего, кроме старой рухляди. В подвале, куда вела узкая лестница, было сыро и холодно. Анна спустилась на несколько ступенек, но дальше идти не решилась. Темнота подвала казалась ей живой, дышащей.

Вернувшись в кабинет, она села за стол и попыталась собраться с мыслями. Фотография лежала перед ней. Анна внимательно ее рассмотрела. Снимок был сделан снаружи, через окно. На заднем плане виднелась часть двора, яблоня, забор. Время на фотографии она определить не могла, но судя по тому, что она была в домашнем платье, а не в костюме, снимок сделан поздним вечером или ночью. Кто-то стоял в темноте под ее окнами, навел объектив и нажал на кнопку. От этой мысли по спине снова пробежал холодок.

Анна достала из ящика стола диктофон, который использовала для записи сессий. Она включила его и произнесла вслух, словно давая показания сама себе:

— Сегодня, двадцать третьего октября, я, Ветрова Анна Сергеевна, получила анонимный телефонный звонок с угро-

зой. Также мною обнаружена фотография, сделанная неизвестным лицом у моего дома. Пациентка Соловьева Вера Николаевна пропала при невыясненных обстоятельствах. Заявление в полицию не принято.

Она выключила диктофон и отложила его в сторону. Глупо, конечно, но ей стало немного спокойнее. По крайней мере, теперь у нее была хоть какая-то фиксация событий.

Ночь прошла почти без сна. Анна лежала в постели, прислушиваясь к каждому звуку. Дом скрипел и постанывал, как старый корабль. Ветви яблони царапали стекло. Где-то на улице лаяла собака, и этот лай казался ей зловещим. Она вставала несколько раз, проверяла замки, выглядывала в окно. Улица была пуста. Только фонарь у соседнего дома бросал желтый свет на мокрый асфальт.

Утром Анна решила действовать. Она не собиралась сидеть и ждать, пока угрозы станут реальностью. Первым делом она отправилась к Светлане Соловьевой, сестре Веры, которая, по словам полиции, вернулась из поездки. Адрес Анна узнала в библиотеке — женщина за стойкой неохотно, но все же продиктовала его, добавив, что Светлана живет на другом конце города, near the old church.

Дом Светланы оказался небольшим, аккуратным, с свежевыкрашенным забором и ухоженным палисадником. На стук вышла женщина лет сорока, полная, с округлым лицом и усталыми глазами. Она была поразительно не похожа на Веру — та была худой и бледной, а Светлана казалась вопло-

щением здоровья и спокойствия.

— Здравствуйте, — сказала Анна. — Вы Светлана Соловьева? Я — Анна Сергеевна, врач вашей сестры. Мне нужно с вами поговорить.

Женщина нахмурилась.

— Врач? Вера никогда не жаловалась на здоровье. Что случилось?

— Она пропала. Несколько дней назад она не пришла на прием, а дома я нашла записку, что она уезжает. Вы знаете, куда она могла поехать?

Светлана побледнела. Она отступила на шаг, прижав руку к груди.

— Пропала? Как пропала? Я только вчера вернулась из области. Я ничего не знаю. Я думала, она дома.

— Когда вы уезжали, вы не заметили, что с ней что-то не так? Может быть, она была напугана? Говорила о ком-то, кто ее преследует?

Светлана замялась. Она опустила глаза и долго молчала, словно борясь с собой.

— Проходите, — наконец сказала она. — Не на пороге же разговаривать.

В доме у Светланы было чисто и уютно, пахло выпечкой и кофе. Они сели на кухне. Светлана налила чай, но сама к чашке не притронулась.

— Понимаете, — начала она, — Вера всегда была... странной. С детства. Она все принимала близко к сердцу. Если

кто-то в школе ее обижал, она могла неделю не спать, все прокручивала в голове. Родители водили ее к неврологу, но тогда ничего серьезного не нашли. А потом, когда мы выросли, она стала еще более замкнутой. Я пыталась с ней общаться, но она все время словно чего-то боялась. А месяц назад она позвонила мне вся в слезах и сказала, что за ней кто-то ходит. Я спросила, кто, а она говорит: «Мужчина в темном плаще и шляпе». Я подумала, что это какой-то хулиган, может, кто-то из местных шутит. Но она была в ужасе. Я предложила ей пожить у меня, но она отказалась. Сказала, что не хочет меня впутывать.

— А вы видели этого мужчину? — спросила Анна.

— Нет, конечно. Я вообще не уверена, что он существует. Вера в последнее время была сама не своя. Я думала, это нервное. А потом я уехала. У меня в области живет подруга, я помогала ей с ремонтом. И вот, пока меня не было, случилось это.

— Полиция сказала, что вы уезжали к подруге. Но Вера говорила, что вы пропали. Она искала вас.

Светлана вздохнула.

— Я не знала, что она меня искала. Я не брала с собой телефон, там не было связи. Когда я вернулась, мне сказали, что Вера спрашивала обо мне. Я сразу поехала к ней, но дома никого не было. Я решила, что она уехала к кому-нибудь из знакомых. У нее есть подруга, Оля, она живет в соседнем поселке. Может, она там?

Анна покачала головой.

— В записке она написала: «Он нашел меня». Это не похоже на поездку к подруге.

Светлана закрыла лицо руками.

— Господи, что же делать? Мне нужно в полицию.

— Я уже была там. Они не принимают заявление, потому что Вера написала, что уезжает. Они считают, что она уехала добровольно.

— Но это же абсурд! — Светлана вскочила. — Она бы никогда не уехала, не предупредив меня. Мы с ней хоть и не очень близки, но она всегда знает, где я. И я всегда знаю, где она.

Анна помолчала, а потом решилась задать вопрос, который вертелся у нее в голове.

— Скажите, Светлана, у Веры были какие-то враги? Может быть, кто-то, кто мог желать ей зла?

Светлана задумалась.

— Враги? У Веры? Она тихая, как мышь. Работает в библиотеке, ни с кем не ссорится. Разве что... — она осеклась.

— Что? — подтолкнула ее Анна.

— Ну, был один случай. Года два назад. В библиотеку устроился новый сотрудник, молодой парень, Денис. Он начал оказывать Вере знаки внимания. Провожал ее домой, дарил цветы. Она сначала не придавала значения, а потом он стал навязчивым. Начал звонить ей по ночам, приходить к ней домой без приглашения. Она испугалась и попросила

его оставить ее в покое. А он... он стал угрожать. Говорил, что если она его не полюбит, то пожалеет. Вера рассказала об этом директору библиотеки, и Дениса уволили. Но он не уехал. Он остался в Заречье. И, насколько я знаю, до сих пор живет здесь.

Анна почувствовала, как в груди что-то сжалось.

— Как его фамилия?

— Кажется, Кравцов. Денис Кравцов. Он живет на улице Лесной, в доме номер двенадцать. Но я не думаю, что это он. Зачем ему преследовать Веру спустя два года? Хотя... кто его знает. Он был очень странным.

Анна записала адрес в блокнот.

— Спасибо, Светлана. Вы очень помогли.

— Вы найдете ее? — с надеждой спросила женщина.

— Я попробую.

Анна вышла от Светланы с тяжелым сердцем. История обрастала новыми подробностями. Теперь у Веры был реальный преследователь — Денис Кравцов. Но был ли он тем самым «мужчиной в плаще и шляпе»? Или это разные люди? А может быть, Вера просто перенесла на вымышленного преследователя черты реального человека?

Улица Лесная находилась на окраине Заречья, near the old лесопилка. Анна нашла дом номер двенадцать — старый, покосившийся, с забитыми досками окнами. На стук никто не ответил. Соседка, женщина в платке, сказала, что Денис уехал куда-то неделю назад и не вернулся. «А может, и вер-

нулся, да только не показывается», — добавила она с многозначительным видом.

Анна вернулась домой в смятении. Она не знала, что делать дальше. Идти в полицию снова? Но что она скажет? Что у Веры был навязчивый поклонник два года назад? Это не доказательство похищения. Оставаться в доме и ждать? Но она чувствовала себя как на пороховой бочке.

Вечером она решила перечитать записи с сессии Веры. Может быть, там есть какая-то зацепка, которую она упустила. Она открыла блокнот и начала читать. Вера подробно описывала, как выглядит ее преследователь, как он появляется, что она чувствует при этом. Но ни разу она не упомянула Дениса. Странно. Если ее преследовал реальный человек, почему она не назвала его имя?

Анна вспомнила, как Вера говорила: «Я вижу его краем глаза». Это было похоже на описание галлюцинации. Но ведь были и записка, и телефонный звонок, и фотография. Кто-то реальный знал о ее сессии с Верой. Кто-то реальный наблюдал за ней. Может быть, это Денис? Или кто-то другой?

Она уже собиралась закрыть блокнот, когда на глаза ей попала последняя запись, сделанная после сессии. Анна писала: «Пациентка В. Н. Соловьева. Подозрение на параноидный синдром. Рекомендован курс терапии. Ведет себя настороженно, избегает прямого контакта. Возможно, скрывает что-то еще. При следующей встрече попробовать обсудить детство».

Анна перечитала эту запись несколько раз. «Возможно, скрывает что-то еще». Что-то в поведении Веры ее насторожило еще тогда. Может быть, она что-то недоговаривала. И это «что-то» могло быть ключом к ее исчезновению.

Внезапно ее осенило. Вера говорила, что работает в библиотеке десять лет. А Светлана сказала, что Денис устроился в библиотеку два года назад. Значит, Вера знала его гораздо лучше, чем описала. Она сказала, что он просто оказывал ей знаки внимания. Но что, если между ними было что-то большее? Что, если Вера скрыла от Анны какие-то важные детали их отношений?

Анна решила на следующий день снова пойти в библиотеку и поговорить с сотрудниками. Может быть, кто-то из них знает больше. Она легла спать, но сон не шел. Она лежала в темноте, прислушиваясь к тишине. И в этой тишине ей снова почудились шаги под окнами. Медленные, тяжелые. Она затаила дыхание. Шаги стихли. Потом раздался тихий скрип. Кто-то стоял на крыльце.

Анна вскочила, схватила фонарик и бросилась к двери. Она распахнула ее, готовая к худшему. На крыльце никого не было. Только ветер шевелил сухие листья. Но на перилах что-то белело. Это был еще один конверт. Анна схватила его, вернулась в дом и заперла дверь на все замки.

В конверте лежала фотография. На этот раз на ней была Вера. Она стояла у окна своей квартиры, испуганно вглядываясь в темноту. А на обратной стороне фотографии была

надпись, сделанная тем же торопливым почерком, что и записка: «Она была здесь. Вы следующая».

Анна уронила фотографию. Руки ее тряслись. Теперь она точно знала: это не игра. Кто-то ведет с ней жестокую игру. И этот кто-то не остановится ни перед чем.

Глава 2. Тень на стене

Утро выдалось серым и промозглым. Анна так и не сомкнула глаз после ночного происшествия. Она просидела в кресле до рассвета, укутавшись в плед, сжимая в руке фонарик, словно оружие. Каждый скрип половиц, каждый шорох за окном отзывался в ней острой иглой тревоги. Когда первые бледные лучи солнца пробились сквозь плотные шторы, она наконец позволила себе расслабиться. Но ненадолго.

Первым делом она снова позвонила в полицию. Дежурный, тот самый молодой парень с прыщавым лицом, выслушал ее с плохо скрываемым раздражением.

— Гражданка Ветрова, вы опять? Я же вам объяснил: нет состава преступления. Записка есть? Есть. Значит, уехала добровольно. А фотографии ваши... ну, мало ли кто шутит. Может, это ваши знакомые развлекаются.

— Вы понимаете, что говорите? — Анна изо всех сил старалась сохранять спокойствие. — Мне угрожают. Мне прислали фотографию пропавшей женщины с надписью, что я следующая. Это уже не шутки.

— Ну, напишите заявление, — лениво протянул дежурный. — Я передам участковому. Только учтите: пока нет реальных доказательств, мы не можем начать розыск. Вот если бы вы нашли тело или следы взлома...

Анна положила трубку, не дослушав. Она поняла: поли-

ция ей не поможет. По крайней мере, сейчас. Нужно действовать самой.

Она быстро позавтракала, наспех выпив чашку кофе и съев кусок хлеба с сыром, и отправилась в библиотеку. Утреннее Заречье было пустынным. Редкие прохожие спешили по своим делам, низко опустив головы, словно прячась от сырого ветра. Анна шла быстрым шагом, то и дело оглядываясь. Ей казалось, что за ней следят. Мужчина в темной куртке, стоявший у газетного киоска, проводил ее взглядом. Женщина с собакой, прошедшая мимо, показалась ей подозрительно знакомой. Анна понимала, что это паранойя, но ничего не могла с собой поделать. После ночного конверта любой прохожий казался ей потенциальным преследователем.

В библиотеке было тепло и тихо. Пахло старыми книгами и немного — кофе, который пила за стойкой та самая женщина с добродушным лицом. Анна узнала ее. Это она рассказала ей о пропаже Светланы.

— Доброе утро, — сказала Анна, подходя к стойке. — Вы меня помните? Я приходила на днях, спрашивала о Вере Николаевне.

Женщина подняла голову и насторожилась.

— Помню, конечно. Вы — врач. Анна Сергеевна, кажется?

— Да. Мне нужно с вами поговорить. Это очень важно. Вера пропала.

Женщина охнула и прижала руку к груди.

— Как пропала? Господи, да что же это делается?

— Поэтому я здесь. Мне нужно узнать о ней как можно больше. Вы сказали, что она работала здесь десять лет. Расскажите, какой она была. С кем общалась? Может быть, у нее были конфликты?

Женщина замялась, оглянулась по сторонам, словно проверяя, не слышит ли кто.

— Меня зовут Тамара Ивановна, — представилась она. — Я здесь заведующая. Вера... она была хорошей сотрудницей. Тихая, исполнительная. Книги любила. Но в последнее время с ней действительно что-то происходило. Она стала какой-то дерганой, всего боялась. Я думала, это из-за Светланы. Когда сестра пропала, Вера места себе не находила. А потом Светлана вернулась, а Вера все равно была сама не своя. Я спрашивала, что случилось, но она только отмахивалась.

— А этот Денис Кравцов? Он ведь работал у вас?

Тамара Ивановна помрачнела.

— Был такой. Устроился два года назад, вроде бы по рекомендации. Сначала все было нормально, работал как работал. А потом начал к Вере приставать. Провожал ее домой, цветы дарил. Она сначала смеялась, говорила, что он просто вежливый. А потом он стал навязчивым. Звонил ей по ночам, приходил к ней домой без приглашения. Она пожаловалась мне. Я поговорила с ним, попросила оставить ее в покое. А он... — Тамара Ивановна понизила голос до ше-

пота. — Он начал угрожать. Говорил, что если она его не полюбит, то пожалеет. Я испугалась и уволила его. Сказала, что если он еще раз появится, вызову полицию. Он ушел, но, насколько я знаю, из города не уехал.

— Вы знаете, где он живет?

— На Лесной, кажется. Дом двенадцать. Но я бы не советовала вам туда ходить. Он странный. Очень странный.

— Я уже была там. Дома никого нет. Соседка сказала, что он уехал неделю назад.

Тамара Ивановна покачала головой.

— Может, и уехал. А может, и нет. Он такой — может появиться, может исчезнуть. Как призрак.

Анна задумалась.

— Скажите, а Вера когда-нибудь упоминала мужчину в темном плаще и шляпе?

Тамара Ивановна удивленно посмотрела на нее.

— В плаще и шляпе? Нет, никогда. А что?

— Она говорила, что ее преследует такой человек. Но никто, кроме нее, его не видел.

— Господи, — Тамара Ивановна перекрестилась. — Неужели это правда? Я думала, она просто нервничает.

— Я тоже так думала. Но теперь я не уверена.

Анна поблагодарила Тамару Ивановну и уже собиралась уходить, когда та вдруг окликнула ее.

— Анна Сергеевна, подождите. Есть кое-что еще. Вера в последнее время часто задерживалась после работы. Говори-

ла, что ей нужно разобрать книги. Но я замечала, что она не всегда остается в библиотеке. Иногда она уходила куда-то. Я не придавала значения, но теперь... может быть, это важно.

— Куда она уходила?

— Не знаю. Но однажды я видела, как она шла в сторону старого кладбища. Это на другом конце города, за церковью. Я подумала, что она ходит на могилу родителей. Но она никогда не говорила об этом.

Анна запомнила эту деталь. Старое кладбище. Еще одно место, которое нужно проверить.

Выйдя из библиотеки, она направилась к церкви. Это была небольшая, побеленная здание с покосившимся крестом. Рядом тянулась ограда старого кладбища, за которой виднелись ряды покосившихся крестов и памятников. Анна толкнула калитку и вошла внутрь. Здесь было тихо и безлюдно. Ветер шелестел сухой травой, где-то каркала ворона. Анна пошла вдоль рядов, вглядываясь в надписи на памятниках. Она искала фамилию Соловьевы. И нашла — в дальнем углу, под старой березой. Две могилы, обнесенные низкой оградкой. На памятниках значились имена: Николай Петрович Соловьев и Мария Андреевна Соловьева. Родители Веры и Светланы.

Анна постояла минуту, отдавая дань уважения, а потом внимательно осмотрелась. Рядом с могилами она заметила свежие цветы — несколько хризантем в целлофановой обертке. Они были еще совсем свежие, словно их положили

вчера или сегодня. Вера? Но ведь она пропала. Или кто-то другой приходит сюда?

Она наклонилась, чтобы рассмотреть цветы. К стеблю одной из хризантем была привязана маленькая записка, свернутая в трубочку. Анна осторожно развернула ее. Внутри было написано всего несколько слов, тем же торопливым почерком, что и записка Веры: «Я знаю, что ты сделала».

Анна похолодела. Это был не почерк Веры. Буквы были другими — более угловатыми, резкими. Но стиль послания был тот же. Кто-то оставлял эти записки. И этот кто-то знал, что Анна придет сюда.

Она оглянулась. Кладбище было пусто. Только вдалеке, у ограды, мелькнула чья-то тень. Анна бросилась туда, но когда добежала до калитки, никого не увидела. Только ветер гнал по дороге сухие листья.

Вернувшись домой, Анна первым делом проверила все замки и окна. Все было заперто. Она села за стол и разложила перед собой все, что у нее было: записку Веры, две фотографии, записку с кладбища. Она попыталась найти связь между ними. Почерк на записке Веры и на записке с кладбища был разным. Но содержание... «Он нашел меня» и «Я знаю, что ты сделала». Оба послания были угрожающими. Оба были написаны от лица кого-то, кто знал больше, чем говорил.

Анна достала диктофон и снова включила его.

— Записка на кладбище, — произнесла она. — Найдена на могиле родителей Веры Соловьевой. Почерк отличается

от почерка Веры. Содержание: «Я знаю, что ты сделала». Кому адресовано? Вере? Или мне? Если Вере, то что она сделала? Если мне, то что я сделала?

Она выключила диктофон и задумалась. «Я знаю, что ты сделала». Эта фраза не давала ей покоя. Она вспомнила, как Вера на сессии сказала: «Я не сумасшедшая». А что, если она действительно не сумасшедшая? Что, если за всем этим стоит реальный человек, который хочет свести ее с ума? Или, может быть, она действительно что-то сделала — что-то, о чем сама не помнит?

Анна тряхнула головой. Нет, это уже паранойя. Она — врач, она знает, как работает мозг. Она не могла ничего сделать. Она не знала Веру до того дня, как та пришла к ней на прием. Или знала? Может быть, они встречались раньше? Анна попыталась вспомнить, но память подсовывала ей только размытые образы. Она видела Веру впервые. В этом она была уверена.

Вечером Анна решила не оставаться одна. Она позвонила Светлане и попросила ее приехать. Светлана согласилась без колебаний.

— Я тоже боюсь оставаться одна, — призналась она, когда они сидели на кухне у Анны, пили чай и смотрели на темное окно. — После того, как вы ушли, мне позвонили. Мужской голос. Сказал, чтобы я не лезла не в свое дело. Я хотела записать номер, но он был скрыт.

— Вы сообщили в полицию?

— А смысл? Они все равно ничего не сделают. Дядя Вася, участковый, сказал, что это, наверное, хулиганы балуются. Но я чувствую, что это не хулиганы. Это что-то серьезное.

Анна кивнула. Она чувствовала то же самое.

— Светлана, скажите, вы знаете, что Вера делала на старом кладбище?

Светлана удивилась.

— На кладбище? Нет. Мы с ней вместе ходили на могилу родителей только на годовщину смерти. А так... я не знаю. Может, она ходила туда одна. Она была очень привязана к матери.

— А вы знаете, что она могла сделать такого, за что ее могли бы... шантажировать?

Светлана задумалась.

— Я не знаю. Вера была тихой, но у нее были свои секреты. Она никогда не рассказывала мне о своей личной жизни. Может быть, у нее был кто-то. Мужчина. Но она скрывала.

— Денис Кравцов?

— Может быть. Я не знаю. Но если он, то почему она не сказала мне? Мы же сестры.

Анна не ответила. Она думала о том, что люди часто скрывают самое важное даже от самых близких.

Ночь прошла спокойно. Светлана осталась ночевать в комнате для гостей. Анна постелила ей на диване в гостиной, а сама поднялась в спальню. Она оставила дверь открытой, чтобы слышать, если что-то случится. Но ничего не случи-

лось. Утро пришло без происшествий.

Светлана уехала домой, пообещав держать связь. Анна осталась одна. Она решила, что пора нанести визит участковому — не тому молодому дежурному, а настоящему участковому, дяде Васе. Может быть, он не так безнадежен, как показалось Светлане.

Участковый пункт полиции находился в маленьком одноэтажном здании рядом с администрацией. Анна вошла внутрь и увидела мужчину лет пятидесяти, грузного, с усталым лицом и добрыми глазами. Он сидел за столом, заваленным бумагами, и пил чай из огромной кружки.

— Здравствуйте, — сказала Анна. — Вы Василий Петрович? Участковый?

— Он самый, — мужчина поднял на нее глаза. — А вы, простите, кто будете?

— Анна Сергеевна Ветрова. Я врач. Психиатр. Я недавно переехала в Заречье.

— А, слышал, слышал. Психиатр. Ну, садитесь, коли пришли. Что у вас?

Анна рассказала ему все: о Вере, о ее страхах, о пропаже, о записках, о фотографиях, о звонке. Василий Петрович слушал внимательно, не перебивая. Когда она закончила, он долго молчал, глядя в свою кружку.

— Значит, говорите, угрожают? — наконец произнес он. — А вы в полицию обращались?

— Обращалась. Мне сказали, что нет состава преступле-

ния.

— Ну, формально они правы. Записка есть, значит, уехала сама. А фотографии... это, конечно, неприятно, но мало ли кто балуется. У нас тут молодежь скучает, всякие глупости делает.

— Василий Петрович, — Анна подалась вперед. — Я не думаю, что это молодежь. Это кто-то, кто знает Веру. Кто-то, кто следит за мной. И этот кто-то, возможно, связан с исчезновением Веры. Вы знаете Дениса Кравцова?

Участковый поморщился.

— Кравцов? Знаю. Хулиган. Был у нас на учете. Приставал к девушке, угрожал. Мы с ним беседовали. Он обещал исправиться. А что, он тоже замешан?

— Он жил на Лесной, дом двенадцать. Соседка сказала, что он уехал неделю назад. Как раз тогда, когда пропала Вера.

— Ну, это еще ни о чем не говорит. Может, уехал по делам.

— А может, и нет. Вы можете проверить, где он?

Василий Петрович вздохнул.

— Могу, конечно. Но без заявления от потерпевшей я не могу начать официальное расследование. А Вера Николаевна, сами понимаете, заявление не подавала.

— Так подайте вы! Вы же участковый!

— Я не могу подать заявление за потерпевшую. Это не в моей компетенции. Вот если бы вы были ее родственницей...

Анна поняла, что и здесь ее ждет стена. Но она не собиралась сдаваться.

— Хорошо. Тогда хотя бы проверьте Кравцова. Если он вернется, сообщите мне. Пожалуйста.

Участковый кивнул.

— Ладно. Проверю. Но вы тоже будьте осторожны. Если вам угрожают, не стоит гулять по ночам.

Анна вышла из участка с чувством горького разочарования. Она понимала, что полиция не будет ей помогать. Придется справляться самой.

Дома она снова перечитала записи с сессии Веры. Теперь она искала не симптомы болезни, а улики. И нашла. Вера упоминала, что ее преследователь появляется в основном по вечерам, когда она возвращается с работы. Но однажды она видела его утром, когда шла на работу. Он стоял у церкви. У той самой церкви, рядом с которой находится старое кладбище.

Анна отложила блокнот. Значит, Вера видела его у церкви. А потом ходила на кладбище. Может быть, это связано? Может быть, преследователь знал о ее привычке навещать могилы родителей? Или, может быть, он сам там появлялся?

Она решила на следующее утро снова пойти на кладбище. Может быть, ей удастся застать кого-то.

Но утром все изменилось. Анна проснулась от резкого телефонного звонка. Она схватила трубку.

— Алло?

— Анна Сергеевна? — голос был женский, взволнованный. — Это Тамара Ивановна, из библиотеки. Приезжайте скорее. Здесь Вера. Она вернулась.

Анна бросилась в библиотеку, даже не позавтракав. Когда она вбежала внутрь, то увидела Веру, сидевшую на стуле в углу. Она была бледной, исхудавшей, с темными кругами под глазами. Пальто на ней было грязным, словно она провела несколько дней на улице. Увидев Анну, она вздрогнула и вцепилась в столешницу.

— Вера Николаевна, — Анна подошла к ней и присела рядом на корточки. — Что случилось? Где вы были?

Вера посмотрела на нее невидящим взглядом.

— Я была... там. Он держал меня. В подвале. Темно. Холодно. Я думала, что умру.

— Кто? Кто вас держал?

— Он. Мужчина в плаще. Я не видела его лица. Он всегда был в тени. Он говорил, что я должна... должна сказать правду. Но я не знаю, какую правду. Я ничего не сделала.

Анна обняла ее за плечи. Вера дрожала.

— Все хорошо. Вы в безопасности. Я отвезу вас в больницу.

— Нет! — Вера вцепилась в ее руку. — Нет, только не в больницу. Он и там меня найдет. Он везде.

Анна попыталась ее успокоить. Но Вера была в состоянии острого психоза. Она то плакала, то смеялась, то начинала говорить о каком-то «подвале», где ее держали. Анна пони-

мала, что нужна помощь. Она позвонила в больницу и попросила Петра Ильича прислать фельдшера.

Пока они ждали, Вера вдруг схватила Анну за руку и прошептала:

— Анна Сергеевна, я знаю, что вы думаете, что я сумасшедшая. Но это не так. Он существует. И он говорил о вас. Он сказал, что вы тоже должны заплатить.

— За что?

— Я не знаю. Но он сказал, что вы сделали что-то плохое. Давно. И что теперь пришло время расплаты.

Анна почувствовала, как холодок пробежал по спине. «Я знаю, что ты сделала». Записка на кладбище. Это было адресовано ей. Но что она сделала? Она не могла вспомнить ничего, что могло бы вызвать такую ненависть.

Фельдшер приехал через полчаса. Веру увезли в больницу. Анна поехала с ней. Она сидела рядом, держала ее за руку и смотрела, как за окном мелькают серые дома Заречья. В голове у нее крутились мысли. Кто-то хочет свести Веру с ума. И этот кто-то хочет, чтобы Анна тоже сошла с ума. Но зачем? Что она сделала?

В больнице Веру осмотрели и оставили под наблюдением. Петр Ильич, главный врач, был мрачен.

— Истощение, обезвоживание, признаки психоза. Где вы ее нашли?

— В библиотеке. Она сама пришла.

— Странно. Если ее держали в подвале, как она выбра-

лась? И почему пришла именно в библиотеку?

Анна не знала ответа на этот вопрос. Она чувствовала, что в этой истории что-то не сходится. Но что именно, она пока не понимала.

Вечером она вернулась домой. Усталость навалилась на нее тяжелым грузом. Она разделась, легла в постель и почти сразу провалилась в сон. Но сон был тревожным. Ей снилось, что она идет по темному коридору, а за ней кто-то следует. Она оборачивается, но видит только тень. Тень на стене. Она бежит, но коридор не кончается. И вдруг из темноты выходит Вера. Она смотрит на Анну и говорит: «Ты знаешь, что ты сделала».

Анна проснулась в холодном поту. Сердце колотилось. В комнате было темно. Она потянулась к лампе, чтобы включить свет, но в этот момент услышала, как внизу хлопнула входная дверь.Анна замерла, прислушиваясь. Внизу действительно кто-то был. Она слышала, как скрипнула половица в гостиной, как тихо, почти неслышно, прошуршали шаги. Кто-то ходил по ее дому. Медленно, осторожно, словно крадучись.

Первой мыслью было позвонить в полицию. Но что она скажет? «Ко мне кто-то пробрался»? А если это ей кажется? После всех этих дней, после ночных конвертов и телефонных звонков она уже не доверяла собственным ощущениям. Может быть, это просто ветер хлопнул дверью, а шаги ей почудились. Но половица скрипнула снова, и на этот раз звук

был совершенно отчетливым.

Анна бесшумно выбралась из постели. Она нащупала на тумбочке фонарик — тот самый, с которым просидела всю прошлую ночь, — и тяжелый бронзовый подсвечник, который купила на местном рынке. Оружие, конечно, жалкое, но лучше, чем ничего. Она на цыпочках подошла к двери спальни и приоткрыла ее. В коридоре было темно. Только снизу, из гостиной, пробивалась полоска света. Она точно помнила, что выключила там лампу перед сном.

Шаги стихли. Анна прислушалась. Сердце колотилось так громко, что, казалось, его стук разносится по всему дому. Она сделала шаг к лестнице. Еще один. Доски под ногами предательски скрипнули, и она замерла, затаив дыхание. Внизу — тишина. Мертвая, давящая тишина. Может быть, ей все-таки показалось? Может быть, это был сон, продолжение кошмара, из которого она только что вырвалась?

Она спустилась на несколько ступенек. Свет в гостиной горел, это она видела точно. И еще она видела тень — длинную, искаженную, отбрасываемую на стену прихожей. Тень человека. Он стоял там, за углом, и не двигался.

Анна почувствовала, как кровь отхлынула от лица. Она хотела закричать, но голос застрял в горле. Она хотела броситься обратно в спальню и запереть дверь, но ноги словно приросли к полу. И в этот момент тень шевельнулась. Человек сделал шаг в сторону лестницы.

— Кто здесь? — голос Анны прозвучал хрипло и совсем

не так уверенно, как ей хотелось бы. — Я вооружена. Я вызову полицию.

Ответа не последовало. Тень замерла. А потом раздался тихий, почти нежный голос:

— Не надо полиции, Анна Сергеевна. Я пришел поговорить.

Голос был мужской. Молодой. В нем не было угрозы, скорее усталость и какая-то странная обреченность. Анна узнала его. Это был тот самый голос, который звонил ей по телефону.

— Кто вы? — она покрепче сжала подсвечник, пытаясь унять дрожь в руках. — Что вам нужно?

— Меня зовут Денис. Денис Кравцов. Я думаю, вы обо мне слышали.

Анна похолодела. Тот самый Денис. Преследователь Веры. Человек, которого она искала. И он стоял сейчас в ее доме, в темноте, и говорил с ней спокойным, почти миролюбивым голосом.

— Что вы здесь делаете? — спросила она, лихорадочно соображая, как быть. — Я вызову полицию.

— Не вызовете, — сказал он. — Потому что вам нужно меня выслушать. Я не причиню вам вреда. Я просто хочу рассказать вам правду. О Вере. И о вас.

— Обо мне? — Анна нахмурилась. — Что вы можете знать обо мне?

— Больше, чем вы думаете. Можно я выйду на свет? Я не

хочу, чтобы вы меня боялись.

Анна колебалась. С одной стороны, она понимала, что впускать в дом незнакомого мужчину, да еще и того самого, который, возможно, похитил Веру, — чистое безумие. С другой стороны, она была врачом. Она привыкла разговаривать с людьми, которые казались опасными. И еще она чувствовала, что этот человек знает что-то важное. Что-то, что может помочь ей понять, что происходит.

— Выходите, — сказала она, отступая на пару ступенек. — Только медленно. И без резких движений.

Тень отделилась от стены и шагнула в освещенное пространство гостиной. Анна увидела молодого мужчину лет тридцати, худого, с бледным лицом и темными кругами под глазами. Он был одет в старую куртку и потертые джинсы. Волосы давно не стрижены, на щеках щетина. Он выглядел уставшим и испуганным — совсем не так, как она представляла себе преследователя.

— Здравствуйте, — сказал он, поднимая руки, словно показывая, что не вооружен. — Простите, что ворвался. Я не знал, как еще с вами связаться. Вы бы не стали со мной разговаривать, если бы я просто позвонил в дверь.

— Вы наблюдали за мной, — сказала Анна, не опуская подсвечник. — Это вы присылали мне фотографии. Это вы звонили.

— Я, — кивнул он. — Но я не хотел вас напугать. Я хотел предупредить.

— О чем?

— О Вере. О том, что она не та, кем кажется.

Анна прищурилась.

— Что вы имеете в виду?

Денис опустил руки и тяжело вздохнул. Он выглядел так, словно не спал несколько суток.

— Можно я присяду? Я устал. Я неделю не был дома.

Анна hesitated. Она все еще не доверяла ему. Но любопытство взяло верх. Она кивнула в сторону кресла.

— Садитесь. Только медленно.

Денис прошел в гостиную и опустился в кресло. Анна осталась стоять, держа подсвечник наготове. Она не собиралась рисковать.

— Итак, — сказала она. — Говорите. Что вы знаете о Вере?

Денис провел рукой по лицу.

— Я знаю, что она больна. Психически. Я знаю, что она уже несколько лет проходит лечение. Тайно. Она никому об этом не говорит. Даже сестре.

Анна нахмурилась.

— Лечение? У кого?

— У психиатра в области. Ездит туда раз в месяц. Говорит, что на курсы повышения квалификации. А на самом деле — на прием.

— Откуда вы знаете?

— Я следил за ней, — признался Денис. — Да, я знаю, это

звучит ужасно. Но я не мог иначе. Я волновался за нее.

— Вы преследовали ее. Она жаловалась на вас. Вас уволили из библиотеки.

— Я знаю, — Денис опустил глаза. — Я вел себя неправильно. Я это понимаю. Но я не хотел ничего плохого. Я просто... я влюбился в нее. А она меня отталкивала. Сначала я думал, что она просто стесняется. А потом понял, что она боится. Не меня. А чего-то другого. Я пытался поговорить с ней, но она не слушала. А потом меня уволили, и я уехал. Я был в области, у брата. Вернулся, когда узнал, что она пропала.

— Кто вам сказал?

— Светлана. Я встретил ее на улице. Она была вся в слезах, сказала, что Вера исчезла. Я сразу подумал, что это связано с ее болезнью.

Анна опустила подсвечник. История Дениса звучала убедительно, но она не могла просто так ему поверить.

— Если вы знали, что она больна, почему не сказали полиции?

— А кто бы меня послушал? — Денис горько усмехнулся. — Я же был ее преследователем. Уволен за домогательства. Меня бы первым и заподозрили. Вот я и решил действовать сам. Наблюдал за ней, за вами. Хотел понять, что происходит.

— И что вы поняли?

Денис помолчал, собираясь с мыслями.

— Я понял, что она не просто больна. Она опасна. И для себя, и для других. У нее бывают провалы в памяти. Она может сделать что-то и не помнить об этом. А потом придумать себе другую реальность, чтобы объяснить то, чего не понимает.

Анна вспомнила слова Веры: «Я не сумасшедшая». И ее рассказ о мужчине в плаще. А что, если этот мужчина — плод ее воображения? Что, если она сама создала его, чтобы оправдать собственные страхи? Или, что еще страшнее, собственные поступки?

— Вы говорите, что она опасна, — сказала Анна. — В чем именно?

— Я не знаю точно. Но я находил у нее дома странные вещи. Ножи, веревки. И еще... — Денис замялся. — Я нашел дневник. Она писала о человеке, который ее преследует. Но почерк был разным. Как будто писали два разных человека.

Анна почувствовала, как холодок пробежал по спине.

— Где этот дневник?

— У меня. Я забрал его, когда был у нее дома. Хотел показать полиции, но побоялся, что меня же и обвинят.

— Вы можете его принести?

— Могу. Но сначала я хочу, чтобы вы поняли: я не враг. Я хочу помочь Вере. И вам. Потому что я думаю, что вы тоже в опасности.

— Почему?

— Потому что она приходила к вам. Она выбрала вас. И

если она действительно сделала что-то... что-то плохое... она может попытаться свалить это на вас. Как она всегда делает.

Анна вспомнила записку на кладбище: «Я знаю, что ты сделала». Может быть, это писала не Вера. Может быть, это писал кто-то другой. Или, может быть, это писала та часть Веры, о которой она сама не знала.

— Хорошо, — сказала Анна. — Принесите дневник. Завтра. В полдень. Я буду ждать.

Денис кивнул и поднялся.

— Спасибо. И простите за... за все. Я не хотел вас пугать.

Он направился к двери, но на пороге обернулся.

— Анна Сергеевна, будьте осторожны. Если Вера вернулась в город, она не остановится. Она будет искать вас. И я не знаю, что у нее на уме.

Он ушел. Анна заперла за ним дверь на все замки и еще долго стояла в прихожей, прислушиваясь к тишине. Сон окончательно пропал. Она вернулась в гостиную и села в кресло, обхватив колени руками. В голове у нее крутились слова Дениса. «Она опасна. Она может сделать что-то и не помнить об этом».

Анна вспомнила сессию с Верой. Как та говорила о преследователе. Как описывала его. Как смотрела на нее — с мольбой и страхом. Тогда Анна думала, что Вера — жертва. Но что, если все наоборот? Что, если Вера — не жертва, а тот самый человек, который создает вокруг себя хаос и разрушение?

Утром Анна первым делом позвонила в больницу, чтобы узнать, как дела у Веры. Петр Ильич сообщил, что состояние пациентки стабильное, но она отказывается разговаривать и требует, чтобы ее отпустили.

— Она говорит, что ей нужно домой, — сказал он. — Что ее ждут. Мы не можем держать ее насильно, если нет оснований для принудительной госпитализации. Она взрослый человек, дееспособный.

— А разве психоз — не основание?

— Основание есть, но она уже пришла в себя. Психиатр из области, который ее наблюдал, сказал, что она вменяема. Так что завтра мы ее выпишем.

Анна поблагодарила его и положила трубку. Завтра Вера выйдет. И тогда все может измениться.

В полдень пришел Денис. Он принес потрепанный блокнот в кожаном переплете. Анна открыла его и начала читать. Почерк был неровным, скачущим. Записи были сделаны в разное время, некоторые — чернилами, некоторые — карандашом. Вера писала о своих страхах, о том, что чувствует чужое присутствие, о том, что кто-то ходит за ней по пятам. Но были и другие записи. Более агрессивные. Словно писал другой человек. «Я больше не позволю ей издеваться надо мной. Я сильнее, чем она думает. Я могу сделать так, что она исчезнет. Навсегда».

Анна перевернула страницу. Там был рисунок. Женщина с растрепанными волосами, с ножом в руке. Под рисунком

подпись: «Это я. Я ее создала. Она делает то, что я боюсь делать сама».

Анна закрыла блокнот. Руки ее дрожали.

— Вы понимаете, что это значит? — тихо спросила она.

Денис кивнул.

— У Веры раздвоение личности. Одна часть — тихая, запуганная библиотекарша. Другая — та, которая хочет мстить. И эта вторая часть, возможно, и есть тот самый «мужчина в плаще». Она создала его, чтобы не брать на себя ответственность за свои желания.

Анна вспомнила слова из финала, которые ей еще предстояло осознать. «Она сама создала этого преследователя в своем сознании, чтобы оправдать собственные темные желания». Но тогда, в тот момент, она еще не знала, что это лишь часть правды.

— Вы сказали, что она опасна, — произнесла Анна. — Что она может сделать?

— Я не знаю. Но я нашел кое-что еще. В ее доме, в подвале. Там была комната. Запертая. Я заглянул туда, когда искал дневник. Там была кровать, веревки, цепи. И еще... — он сглотнул. — Там была одежда. Женская. Окровавленная.

Анна почувствовала, как к горлу подкатывает тошнота.

— Вы сообщили в полицию?

— Нет. Я испугался. Подумал, что меня обвинят. Но теперь я понимаю, что нужно было сразу сказать. Я отвезу вас туда. Покажу.

Анна колебалась. Она не знала, можно ли доверять Денису. Но другого выхода не было. Она должна была увидеть все своими глазами.

— Хорошо, — сказала она. — Едем.

Они вышли из дома и направились к машине Дениса — старому «жигуленку», припаркованному за углом. Анна села на пассажирское сиденье, и они поехали по пустынным улицам Заречья в сторону дома Веры. Денис молчал, сосредоточенно глядя на дорогу. Анна тоже молчала, пытаясь осмыслить все, что узнала.

Дом Веры стоял на улице Мира, такой же старый и обшарпанный, как и соседние. Денис открыл дверь своим ключом — у него, оказывается, был ключ, — и они вошли внутрь. В доме пахло пылью и чем-то затхлым. Анна прошла через гостиную, заглянула в спальню. Везде был беспорядок, словно здесь что-то искали. Или словно здесь жил человек, который давно потерял контроль над своей жизнью.

— Подвал здесь, — сказал Денис, указывая на узкую дверь в конце коридора.

Он открыл ее, и они спустились по крутой лестнице. В подвале было темно и сыро. Денис включил фонарик на телефоне, и луч света выхватил из темноты комнату. Ту самую комнату, о которой он говорил. Кровать с грязным матрасом, веревки, привязанные к металлическим кольцам в стене. На полу — женская одежда. Пальто, свитер, джинсы. Все в бурых пятнах, похожих на засохшую кровь.

Анна присела на корточки, рассматривая одежду. Она узнала ее. Это было пальто Веры. То самое, в котором она пришла на первый прием.

— Господи, — прошептала она. — Что здесь произошло?

— Я не знаю, — ответил Денис. — Но я думаю, что Вера кого-то здесь держала. И этот кто-то, возможно, был... ей самой. Или той, кем она себя считала.

Анна поднялась. Ей стало трудно дышать.

— Нам нужно вызвать полицию. Немедленно.

Они поднялись наверх. Анна достала телефон и набрала номер. На этот раз дежурный выслушал ее внимательно. Когда она назвала адрес и сказала, что нашла следы крови в подвале, он пообещал, что приедет группа.

Пока они ждали, Анна стояла у окна, глядя на улицу. Денис сидел на диване, опустив голову. Он выглядел разбитым и уставшим.

— Денис, — позвала его Анна. — Почему вы не уехали? Почему остались? Вы же могли просто исчезнуть, и никто бы вас не нашел.

Он поднял на нее глаза.

— Потому что я люблю ее. Даже после всего этого. Я не могу ее бросить.

Анна кивнула. Она понимала его. Иногда любовь бывает разрушительной. Иногда она заставляет нас делать вещи, которых мы сами не понимаем.

Полиция приехала через сорок минут. Участковый Васи-

лий Петрович, двое сотрудников в форме и следователь из области — женщина лет сорока с усталым лицом и цепким взглядом. Они осмотрели подвал, сфотографировали одежду, изъяли дневник. Следователь задала Анне и Денису множество вопросов. Анна рассказала все, что знала. Денис повторил свою историю.

— Мы проверим дом Веры Николаевны, — сказала следователь. — А вам, Анна Сергеевна, я бы рекомендовала не оставаться одной. Если то, что вы говорите, правда, вам может угрожать опасность.

Анна кивнула. Она уже поняла, что в этом городе она не может чувствовать себя в безопасности. Даже в собственном доме.

Когда полиция уехала, Анна вернулась домой. Денис предложил проводить ее, но она отказалась. Ей нужно было побыть одной. Она вошла в дом, заперла дверь и села на пол в прихожей, прислонившись спиной к стене. Слезы текли по ее щекам. Она плакала впервые за долгое время. Плакала от страха, от усталости, от чувства полной беспомощности.

Но даже сквозь слезы она понимала: это еще не конец. Вера вернется. И тогда все решится.

Глава 3. Игра в прятки

Ночь прошла без новых происшествий, но Анна так и не смогла заснуть. Она лежала в постели, уставившись в потолок, и слушала, как старый дом дышит, скрипит и постанывает. Каждый звук казался ей предвестником чего-то страшного. Когда за окном начало светать, она встала, приняла холодный душ и выпила две чашки крепкого кофе. Голова была тяжелой, мысли путались, но она заставила себя сосредоточиться.

Первым делом она позвонила в больницу. Петр Ильич ответил после третьего гудка, и голос его был недовольным.

— Анна Сергеевна, вы звоните слишком рано. Я еще не пил чай.

— Простите, Петр Ильич. Мне нужно знать, как Вера. Ее уже выписали?

— Выписали, — вздохнул главный врач. — Сегодня утром. Она отказалась от дальнейшего наблюдения, написала отказную и ушла. Я не мог ее удерживать. Она была спокойна, вежлива, говорила, что все хорошо. Но я вам скажу честно: мне это не понравилось. Слишком спокойна. Знаете, как бывает, когда человек на грани? Вот это оно и было.

— Она сказала, куда пойдет?

— Домой, конечно. Куда еще? Но я бы на вашем месте не стал ее навещать. Пусть побудет одна, придет в себя.

Анна поблагодарила его и положила трубку. Она понимала, что советы Петра Ильича хороши для обычной ситуации. Но ситуация была далеко не обычной. Вера вернулась в город, и с ней нужно было поговорить. До того, как она сделает что-то непоправимое.

Анна быстро собралась и вышла из дома. Утро было холодным и туманным. Молочная дымка стелилась по улицам, скрывая дома и заборы. Анна шла быстрым шагом, то и дело оглядываясь. Она уже не различала, следят за ней или нет. После всего, что случилось, ей казалось, что каждый куст, каждый угол, каждая тень скрывают наблюдателя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.